

2000 г.
дек.

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

ВЕСТНИК

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

№ 5, 2000 г.

ИЭПП - 10 ЛЕТ

“ НАША СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА – ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ. “

**Интервью с Директором ИЭПП
Е.Т. Гайдаром**

Егор Тимурович, как возникла идея создания ИЭПП, что происходило на начальном этапе?

Идею создания института первым выдвинул Абел Гезович Аганбегян, это было в октябре 1990

Уважаемые господа!

С 1 по 2 декабря с.г. в Москве пройдет международная научная конференция “ Посткоммунистическая Россия в контексте мирового социально-экономического развития”, приуроченная к празднованию 10-летия нашего Института.

года. Абел Гезович сказал, что он принял решение о реформировании исследовательских подразделений Академии народного хозяйства и о создании Института хозяйственного механизма, предложив мне его возглавить. Я принял это предложение, и тогда же мы договорились с С.Шаталиным, в то время академиком-секретарем Академии Наук по экономике, что институт будет двойного подчинения: Академии народного хозяйства и Академии наук и изменили его название на “Институт экономической политики”.

Большие возможности были связаны именно с тем, что институт можно было формировать с “чистого листа”. Возможность создать новый институт, привлечь в него продуктивно работающих, в первую очередь - молодых сотрудников и создать тем самым критическую массу людей, которые способны заниматься исследовательской работой, - эта перспектива была заманчивой.

И в институт действительно пришли интересные, молодые, продуктивные сотрудники, работавшие ранее в других экономических исследовательских подразделениях Москвы. В первую очередь, это были выходцы из Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса, из Центрального экономико-математического Института, из Института экономики Академии

Наук, из научно - исследовательского экономического института Госплана.

В то время мы сформулировали кредо института: "Мы не пишем экономические программы (это было время, когда были написаны и потом умерли неисполненными примерно 10 разных правительственных программ), мы в первую очередь анализируем то, что реально происходит в советской экономике, мы пытаемся прогнозировать развитие этих процессов и при необходимости даем рекомендации по вопросам экономической политики".

К этому времени в Советском Союзе практически была утрачена культура краткосрочного анализа и прогнозирования экономической конъюнктуры. У нас были экономисты, которые занимались тем, что в Советском Союзе называлось "политэкономией", то есть, общими рассуждениями об экономическом процессе с множеством цитат из Маркса и Энгельса. Продуктивные в научном отношении коллективы занимались 15-ти - 20 -ти летними прогнозами, но почти никто не занимался вопросами о том, что происходит сегодня и что будет через 3 или 6 месяцев.

В условиях нарастающего системного кризиса советской экономики именно вопросы текущего анализа конъюнктуры и рекомендации о том, что делать в этих условиях приобретали особое значение.

У нас было понимание того, какой огромный отрыв за десятилетия советской власти образовался между советской экономической наукой, подвергавшейся жесткой идеологической цензуре, и мировой экономической теорией. Поэтому еще одна долгосрочная задача, которую мы ставили перед институтом, это постепенное начало преодоления разрыва, создание предпосылок, при которых наши экономисты смогут проводить исследования на уровне мировых стандартов. Было очевидно, что это не простое дело, придется многому учиться, но вместе с тем мы понимали, насколько это интересно и важно.

Кстати, когда я приглашал сотрудников в институт, необходимость огромной и дополнительной учебы для того, чтобы вывести свой уровень исследований на совместимый с мировыми требованиями, становился решающим. Были люди, которые именно поэтому приходили в институт, а были те, которые из-за этого отказывались. Потому что за стенами института, в старых

исследовательских подразделениях - устойчивая жизнь, репутация, доморощенные, немножко смешные, но вполне защитимые работы, а здесь - необходимость перестраивать жизнь, сокращать объем сна, учить языки, читать книги на тех языках, которые не переведены на русский и т.д.

Каковы, на Ваш взгляд, важнейшие моменты в развитии ИЭПП?

Важнейшим моментом в развитии института была осень 1991 года, когда институт оказался главным разработчиком экономико-политических мер первого Российского послереволюционного правительства, а потом во многом и сформировал это правительство. Мой заместитель Андрей Нечаев стал министром экономики, его коллега - Владимир Машиц - министром по делам экономического сотрудничества в СНГ, еще один заместитель Николай Головнин возглавил секретариат премьера, глава нашего Питербургского филиала Сергей Васильев стал первым руководителем рабочего Центра экономических реформ.

Институт, который с конца 1990 года в первую очередь функционировал как исследовательское подразделение, в 1991 году оказался жестко вовлеченным в реальный процесс разработки и реализации экономической политики в самый острый кризисный момент развития советской, а потом российской экономики.

Вероятно, были и сложные моменты в истории института?

Сложным моментом в развитии института было его восстановление в 1993 году. В 1992 году из института в правительство были рекрутированы многие ключевые исследователи и сотрудники. К тому же в это время радикально изменилась сама жизнь. Если до начала 90-х годов наука была естественным центром концентрации талантливых людей, которые могли бы в другом обществе проявить себя в самых разных направлениях: в политике, в бизнесе, то с 1992 года эти пути стали открыты. В этой связи задача консолидации критической массы ученых-экономистов, людей, которые долгосрочно заинтересованы именно в исследовательской работе после 1992 года, оказалась существенно более сложной чем, в 1990 году.

В конце 1992 года институт был переименован в Институт экономики переходного периода.

